

ПЛЫТЬ В ОКЕАН НАУК...

Гражданин—патриот, гений передовой науки, философ—материалист, Михаил Ломоносов ни в чем не уступал титанам эпохи Возрождения. Он страстно познавал мир и призывал к познанию сограждан. Он основал Московский университет и, по словам А. Пушкина, сам был “первым нашим университетом”.

Его стихотворное письмо, адресованное пятнадцатилетнему Александру Воронцову, позднее — другу Радищева, обращено ко

всем юным современникам и потомкам. Прославляя “мир любезный”, не тревожаемый кровавой войной, Ломоносов советует с пользой употребить “златое время” — не препятствовать своим увлечениям и природным склонностям. “Лишь паруса направь...” Погода благоприятствует тому, “чтобы плыть тебе наук в пространнй океан”. Плавание обогатит тебя, и твою духовных приобретений нельзя будет ни отнять, ни похитить.

Поэт советует юноше:

*Подобно как пчела собирает
мед с цветов,
Так сладость мудрости сберя из
их трудов.*

Разрабатывая проект организации среднего образования в России, Ломоносов выделяет главу “О книгах, по которым обучать в школах”, рекомендует учебники и авторов, полагая, что не возбраняется, зрело размышляя, изменять их шпальи. Приобщиться к науке можно, осмысленно подбирая литературу и добывая из нее знания. Об отношении М. Ломоносова к чтению и книге — наш сегодняшний рассказ.

“НА ПУБЛИЧНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ”

Наука — дело жизни Ломоносова. Он предил ей самозабвенно. В представлении ученого, она имеет в виду благо и просвещение народа. Ее горизонты беспредельны. “... Наука не токмо вещами, которые на нашем земном шаре, зани-

мается, но и теми, что вне его. Она — неустанное познание и, словно на крыльях, поднимает человека”.

Все должно способствовать науке. Но ее фундаментом могут быть только просвещение, распространение грамотности и чтения. “Бумажная фабрика, — пишет Ломоносов, — необходима так же, как типографии или книжная лавка”. Он радуется за выпуск газет, ежемесячных журналов, дешевых книг и за совместную их продажу по твердой цене,

которую требует выставлять на изданиях и объявлять в печати, притом “с кратким содержанием и оглавлением всей книги”. Недостаточно выпустить сочинение “в народ” — надо научить людей грамоте, а также приохотить к чтению. “За границей книг и грамотных много, но читают мало”, — говорит Ломоносов.

Ко всему прочему, нужна популяризация наук. Полезно дать широкой публике ясное представление и общее понятие о них. Познание опирается на “тиснение”, то есть на книгоиздание. Наука не может совершенствоваться, продвигаться вперед без непрерывного печатного обмена идеями, результатами исследований, разносторонней их оценки. Само собой, “все, что публикуется, выносится на публичное обсуждение...”

В России XVIII века остро ощущался недостаток сведений о зарубежной науке. Жаль, “произведения ученых столь поздно доходят до нас, особенно из Америки”, — сетовал Ломоносов. Выдвинув теорию о хвостах комет, он познакомился позднее с сочинениями знаменитого Бенджамин Франклина и окончательно убедился: “Все у меня собственное и новое”.

Не обошлось без сопротивления консерваторов, хотя, кажется, “безрассудно и недостойно серьезности ученого держаться ложного мнения...”. И Ломоносов заостряет

М.В. Ломоносов. Гравюра Х. Вортмана

внимание на проблеме преодоления в науке заведомо несостоятельных либо отживших идей.

Однако не все устаревшее достойно забвения. В “Физике” Христиана Вольфа, переведенной Ломоносовым, читатели, по его словам, “много не найдут, что ныне в ученом свете известно. Однако славный автор... пребудет достоин чтения...”.

“ОПРЕДЕЛИТЬ И УКАЗАТЬ...”

Обучаясь в Германии, Ломоносов составляет “Реестр купленных доселе книгам” — итоговый список своего чтения. Это — начало грандиозной, мало еще изученной работы первого русского академика, зачинателя научной информатики в России.

Он не охладевает к перечням литературы, в частности иностранной, и в Петербургской Академии наук. “Хороша”, “очень хороша”, “весьма хороша и надобна”, кратко комментирует Ломоносов книги — латинские, немецкие, французские, английские, итальянские, польские. Зная восемь языков и регулярно читая зарубежные научные журналы, он был в курсе всего издаваемого. Перечни Ломоносова позволяли Академии наук выписывать нужную литературу. Академия обязывала своих членов давать ей оценку с целью перевода лучших произведений на русский язык. Ссылаясь на то, что ему поручено “особливое смотрение за науками”, Ломоносов выступил с большой программой развертывания научной информации. “Определить и указать” профессорам, писал он, сочинять книгам и диссертациям аннотации и об их “доброте” прилагать “рассуждения без всяких пристрастий”; знакомиться с иностранной печатью, отмечать “хорошие новые книги” и делать к ним “примечания”, то есть рецензировать — для печати. Непременная обязанность членов коллегии Академии наук — “разуметь и рассуждать присылаемые сочинения...”

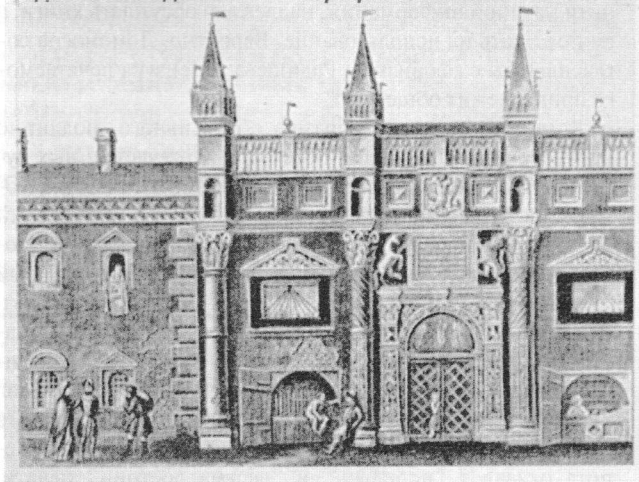
“Экстракты со мнением” — оценочные рефераты — предполагалось публиковать в еженедельнике “Санкт-Петербургские ведомости о делах ученых людей”. Там следовало помещать также сообщения из-за рубежа для того, чтобы “книга ранее учинилась в России известна”. По словам Ломоносова, русский реферативный журнал “много к распространению и знанию наук и... к изъявлению академических трудов наших в российском народе служить будет”.

Ломоносов хотел организовать специальные реферативные ежегодники по математике, физике, философии. Он предложил выпускать газету с библиографическим разделом.

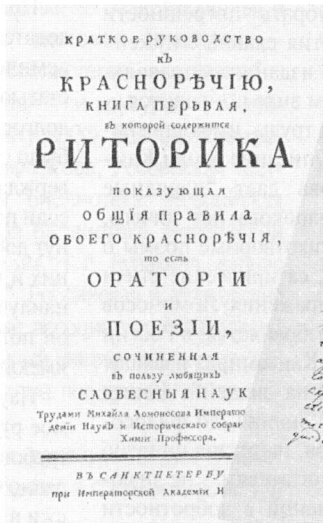
“ЧИТАТЬ СОЧИНЕНИЯ И РАССУЖДАТЬ”

Ученому не удалось осуществить все свои новаторские начинания. Екатерина II повелела ограничить ввоз литературы из-за рубежа. Она запретила продажу книг, направленных против веры, закона и “нас”, пригрозила конфисковать книжные лавки Академии наук. Вынужденная повиноваться, Академия все же высказала порицание “отнятию свободности чтения”. Ломоносов демонстративно отказался подписать верноподданническое донесение академической канцелярии прави-

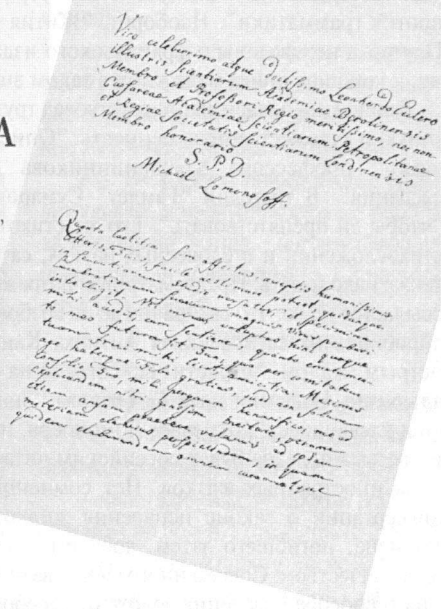
Здание синодальной типографии в Москве. XVIII в.

«Риторика»
М. Ломоносова

Автограф письма М. Ломоносова
Л. Эйлеру

Кунсткамера в Санкт-Петербурге. XVII в.

тельствующему сенату. Ведь канцелярии, куда сходились нити научной информации, надлежало обсуждать книги, а не пресекать их использование. Вероятно, Ломоносов согласился бы с афоризмом Радищева: “Цензура печатаемого принадлежит обществу”.

Ломоносов оставил образцы объективного, подлинно научного рецензирования переводов и отечественных рукописей. Издавать книгу или не издавать? Этот вопрос Ломоносов решал, исходя из сути дела, а не требований цензуры. На первом месте для него стояло качество. Поэтому словарь с допустимыми погрешностями, который “легче сделать заново, чем исправить”, был им отвергнут. Решительно был забракован и перевод “самой худой”, за чем — то переведенной “Физики”. Узнав об этом, академический переводчик покался в случайном выборе и обещал не тратить впредь времени “на такие негодные книги”. Его же перевод труда древнеримского писателя Корнелия Непота оказался “исправен” и “весьма достоин” печати. Переведенная с немецкого первая глава “Сибирской истории” профессора Миллера вызвала лишь стилистические замечания Ломоносова. Аналогичен его отзыв о переводе с французского книги “Происки и хитрости военные”, который “весьма нехуд”. Следует только убрать “погрешности против грамматики”. Наоборот, “Жития славных мужей” Плутарха переведены с французского издания неправильно, и хорошая книга мало кому в таком виде понравится.

Рецензент — академик приветствовал труды, имеющие научную и художественную ценность. “Описание земли Камчатки” профессора Крашенинникова дает “изрядные сведения”. В трагедии “Гамлет” Сумарокова нет ничего, “чтобы ей препятствовать”. Его же стихотворные поэмы о стихосложении и о словесных науках, сатирические стихи также надо издать. Предусматривая возражения, Ломоносов ссылается на то, что сатира нигде не возбраняется; в России апробирована сатира князя Антиоха Кантемира, язвящая острым жалом “страсти всякого чина людей”. Книга адъюнкта Академии наук Г. Теплова “Знания, до философии касающиеся”, отмечает Ломоносов, написана понятно и “весьма полезна будет российским читателям”, не знающим иностранных языков. Нет сомнений в добротности диссертации о законе испарения жидкостей профессора Рихмана, погибшего затем, добавим, во время опытов с электричеством. Совсем иного свойства оказалась диссертация о способе отделения золота от серебра, присланная на соискание премии. Она “не токмо ста, но и единого червонца не стоит”. Уничтожающе оценена Ломоносовым некая “Российская грамматика”. Слово “боярин” произведено в ней от слова “баран”, “дева” — от... немецкого “диб” — “вор”. Наглый невежда и сумасброд взялся не за свое дело. “Пигмей решился поднять Альпийские горы!” — негодовал рецензент. “Читать сочинения и рассуждать” — девиз Ломоносова. “Будь не только знаток, но и критик”, — говорит академик.

Не менее важно широко пропагандировать книги. Вот почему Ломоносов ратует за книготорговую библиографию. Он требует сообщать в газетах о новинках, напечатать несколько сот каталогов и “безденежно” разослать по городам. Нужны срочные меры, ибо “происходит несказанная остановка в распространении книг и просвещения в государст-

ве”. Дошло до того, что большинство читателей считает важным не содержание, а “внешность” книг, то есть ставит преплетчиков выше авторов.

“СВЕТИЛО В ЧТЕНИИ”

“Лишь только было замечено, что литературный поток несет в своих водах одинаково и истину и ложь, и бесспорное и небесспорное... были учреждены своего рода литературные трибуналы для оценки сочинений...” Главная их цель состоит в том, чтобы “давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях исполнения”, чтобы “быстрее распространить в республике наук сведения о книгах”. Причем надо уметь схватывать “новое и существенное”, “быть в состоянии произносить искренние и справедливые суждения”. Не спешить порицать гипотезы — они суть “порывы к знанию”. Так писал Ломоносов по латыни в “Рассуждении об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений...”, имея в виду рецензентов периодической печати.

Под непосредственным влиянием Ломоносова его последователь, упомянутый уже адъюнкт Теплов напечатал в академическом журнале “Ежемесячные сочинения” яркую статью “О качествах стихотворца”. Она не была подписана и долгое время считалась принадлежащей Ломоносову: таково было сходство идей и стиля. Несметное число пишущих, утверждал Г. Теплов, будет просвещать, а не затемнять разум, если появятся “особливые писатели, которые различать станут добрых авторов от худых и покажут путь к забвению одних и к припаданию другим”. Разбор такого рода “есть наилучший и безопасный способ быть ученым человеком, и он потребен для всякой... науки и для всякого, склонность имеющего” к ней.

Научная информация, по определению Теплова, — “прямое руководство в науках”, “светило в чтении”. Очевидно, требование Теплова “различать добрых авторов от худых” равнозначно требованию Ломоносова отделять истину от лжи в литературе и поручить это делать ученым.

Характеристику бездарных писак Ломоносов дает в статье “О нынешнем состоянии словесных наук в России”. “...Коль вредны те, которые несладным плетением хотят прослыть искусными и, охудшая самые лучшие сочинения, хотят себя возвысить; сверх того, подав худые примеры своих незрелых сочинений, приводят на неправый путь юношество, приступившее к наукам, в нежных умах вкореняют ложные понятия, которые после истребить трудно или вовсе невозможно”, — читаем в удивительно емкой, красочно написанной статье.

В целом можно заключить, что в своих статьях Ломоносов закладывал основы научной информатики в России, пропагандировал продуктивное чтение. С капитанского мостика русской науки Ломоносов дал в XVIII веке команду поднять паруса знания.

М. ИСКРИН,
литературовед